

Санкт-Петербургская православная духовная академия

Архив журнала «Христианское чтение»

Б.А. Тихомиров

Начало истории русского перевода
Библии и Российское библейское
общество

Опубликовано:

Христианское чтение. 2007. № 28. С. 111-146

© Сканирование и создание электронного варианта:

Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2013. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА

Санкт-Петербург

2013

НАЧАЛО ИСТОРИИ РУССКОГО ПЕРЕВОДА БИБЛИИ И РОССИЙСКОЕ БИБЛЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Необходимость русского перевода Священного Писания была заявлена попытками перевода еще в XVII и XVIII вв. Это перевод 1683 г. Псалтири на обиходный язык своего времени диака Посольского приказа Авраамия Фирсова. Фирсов переводил с польской протестантской Библии 1663 г. Перевод не был одобрен к изданию патр. Иоакимом. На рубеже XVII–XVIII вв. Новый Завет на русский переводил в Лифляндии пастор Э. Глюк. Его первый переводческий опыт пропал в связи с событиями русско-шведской войны. Работа была продолжена Глюком в Москве по личному указанию Петра I. Однако и этот перевод был утерян после кончины пастора в 1705 г. На необходимость русского перевода Библии указывал свят. Тихон Задонский (1724–1783). В 1794 г. первым тиражом вышло сочинение архиеп. Мефодия (Смирнова) «К Римляном послание св. ап. Павла с истолкованием», где параллельно славянскому была представлена русская версия послания. В этом издании впервые был опубликован русский перевод библейской книги. Целесообразность русского перевода осторожно зондировалась в самом начале XIX в. обер-прокурором Святейшего Синода А.А. Яковлевым (1802–1803 гг.). Но непосредственно приступить к осуществлению русского перевода, с очевидностью становящегося насущной необходимостью дела христианского просвещения, удалось лишь с открытием в России во втором десятилетии XIX в. Библейского общества¹.

Истоки появления Российского Библейского общества (РБО) на авансцене российской политической и религиозной жизни второго-третьего

---

¹ По настоящее время основной работой по истории русского перевода Библии в XIX столетии продолжает оставаться труд И.А. Чистовича «История перевода Библии на русский язык». СПб., 1873, 1899, репр.: М., 1997 (эл. вариант: http://www.bible-mda.ru/e-books/djvu/chistovich_ia-rus-bible-translation.djvu — прим. ред.). Из других сочинений необходимо указать: Астафьев Н. Опыт истории Библии в России в связи с просвещением и нравами. СПб., 1892; Корсунский И.Н. О подвигах Филарета, митрополита Московского, в деле перевода Библии на русский язык: Историко-критическое исследование // Сборник, изданный Обществом любителей духовного просвещения, по случаю празднования столетнего юбилея со дня рождения (1782–1882) Филарета, митрополита Московского. Т. II. М., 1883; Рижский М.И. История переводов Библии в России. Новосибирск, 1978. Общий обзор русских переводов, их проблематика, библиография см.: Алексеев А.А. Библия: Переводы на русский язык // Православная энциклопедия. Т. V. М., 2002. С. 153–161.

Основным трудом по истории Российского Библейского общества, выводам которого следуют все более-менее подробно затрагивающие эту тему последующие исследователи, продолжает оставаться работа: Пытин А.Н. Российское Библейское общество // Вестник Европы 1868. Август-Декабрь. Отдельное издание опубликовано в сборнике: Пытин А. Н. Религиозные движения при Александре I. Пг., 1916. В данном обозрении цитируется по его переизданию: СПб., 2000.

десятилетия XIX в. берут основание в зародившемся в Европе библейском миссионерском движении. Первое Библейское общество было образовано в Великобритании в 1804 г. — «Британское и Иностранное Библейское общество» (British and Foreign Bible Society). Главным религиозным мотивом, вызвавшим создание Британского Библейского общества, была вера его основателей в Священное Писание как действительное начало христианства, в то, что Библия, как Слово Божие, обладает особым воздействием на читающих и слушающих. Формируя духовные устремления, она облагораживает и консолидирует общество, служит объединяющим началом конфессионально разобщенному христианству, является единым основанием христианской миссии. Главные задачи, которые Общество ставило перед собой, — это перевод Библии на национальные языки народов, к которым обращена христианская миссия, ее издание и распространение по доступной цене. В соответствии с идеалами и задачами был сформулирован основной принцип издательской деятельности — печатание Библий без каких-либо объяснений и примечаний. Такой подход определялся идейными воззрениями, согласно которым Библия сама и говорит, и сама себя объясняет, а также прагматической целью максимального нивелирования вероисповедальных отличий. Возникнув в протестантской среде, Общество, тем не менее, изначально рассматривало свою деятельность гораздо шире, как общехристианскую, находя основание своим принципиальным «экуменическим установкам» в центральном положении Библии в вероучении и практической религиозной жизни всех христианских конфессий. Эмиссары Общества предельно широко вели пропаганду его деятельности, налаживая связи и с католиками, отдельным представителям которых выделялись средства на библейские изыскания, и с православными. Очень быстро деятельность Общества распространилась практически по всем регионам мира. Оценивая создание Британского Библейского общества и предпринятую им деятельность, академик А.Н. Пыпин отмечал: «...рассматриваемое в целом, это Общество имело, без сомнения, свои великие заслуги. Религиозная терпимость, человеколюбивые стремления и энергические бескорыстные труды его основателей внушают к себе глубокое уважение; их деятельность в среде простого народа, неразвитого и одичалого от грубой жизни и угнетения, и в среде языческих народов, к которым они являлись миссионерами евангельской религии, эта деятельность, без сомнения, была заслугой в деле цивилизации и смягчения нравов. Сделанные ими переводы Священного Писания часто бывали первыми книгами на языке тех народов, для которых они делались; кроме нравственного влияния, какое становилось возможно через них,

эти переводы имели и свою косвенную пользу в научном отношении, открывая новые области изучения для этнографа и лингвиста...»²

На территории Российской империи Британское Библейское общество заявило о себе уже в 1810 г. деятельностью по распространению Священного Писания на национальных языках среди протестантов Финляндии и Эстляндии. Однако интерес к России был гораздо более глубоким. Россию Британское Библейское общество рассматривало одним из приоритетных направлений своей миссии. Днем основания собственного Библейского общества в России можно считать 6 декабря 1812 г. — этой датой император Александр I утвердил доклад главноуправляющего духовными делами иностранных исповеданий князя А.Н. Голицына о целесообразности открытия в столице империи Библейского общества. Доклад был составлен после встреч князя в Санкт-Петербурге с эмиссаром Британского Библейского общества пастором Д. Патерсоном в 1812 г. То, что открытие Общества состоялось в переломный для России 1812 г., свидетельствует о том, что его целями и задачами заинтересовались на самом высоком уровне. Основные задачи Общества, сформулированные в докладе, впоследствии вошли в действующие «Правила Общества». Они предполагали: «<...> способствование к приведению в России в большее употребление Библий <...> без всяких на оное примечаний и пояснений; <...> обитателям Российского государства доставлять Библии <...> на разных языках, за самые умеренные цены, а бедным без всякой платы; <...> снабжать всякое христианское вероисповедание Библиями тех самых изданий, которые почитаются исправнейшими; доводить Библию до рук азиатских в России народов из магометан и язычников состоящих, каждому равномерно на его языке...»³. При этом подчеркивалось, что попечение о христианском образовании, в том числе и библейском, для православных целиком и полностью является уделом духовного начальства Греко-Российской Церкви в лице Св. Синода. Декларировалась принципиальная внеконфессиональность Библейского общества, его открытость для представителей всех вероисповеданий. Членство в Обществе не ограничивалось условием определенной сословной принадлежности (для дееспособных классов). На первом собрании Санкт-Петербургского Библейского общества 11 января 1813 г. присутствовали официальные лица всех основных христианских Церквей в России. Православная Церковь была представлена первенствующим членом Св. Синода митр. Новгородским и Санкт-Петербургским Амвросием (Подобедовым) и архиеп. Минским и Литовским Серафимом (Глаголевским); Римско-Католическая Церковь

² Пытин А.Н. Указ. соч. С. 35.

³ Там же. С. 43.

Император Александр I

в России — митр. С. Сестренцевич-Богушем; протестантские общины — пастором Англиканской Церкви Питтом, пастором Сарептского Евангелического братства Шейерлем, пастором из Голландии Янсенем и др⁴. Президентом Общества был избран кн. А.Н. Голицын, остававшийся на этом посту практически до его закрытия. Членство в Библейском обществе Александра I изначально определило его престижность, поставило Общество в самую сердцевину политической жизни России, проводимых Александром реформ. Постепенно в состав Комитета общества, его управляющего органа, вошли представители православного духовенства. Так, уже в 1814 г. вице-президентами Общества избираются ведущие православные иерархи. Одним из его директоров (с 1818 г. вице-президентом) стал архим. Филарет (Дроздов), тогда ректор Санкт-Петербургской духовной академии (СПбДА), будущий знаменитый Московский святитель, которому принадлежит особая роль в судьбах русского перевода Библии. 4 сентября 1814 г. *Санкт-Петербургское Библейское общество* по Высочайшему указу получило название *Российского Библейского общества* (РБО); с 1815 г. его отделения начали широко открываться в провинциальных центрах.

Деятельность Общества можно оценить как чрезвычайно активную и продуктивную: для нужд проживающих в России общин иностранцев закупаались за границей Библии на немецком, польском, французском и многих других языках; вскоре было налажено их издание в России; организуется работа по переводу Библии на языки коренных народов, населявших территорию Российской империи. Библию (начинали обычно с Нового Завета) переводили на калмыцкий, бурятский, чувашский, марийский, удмуртский, татарский... За все время издательской деятельности РБО тиражи Священного Писания составили свыше 876 тыс. экземпляров на 29 языках, из них на 12 языках впервые⁵.

⁴ Там же. С. 44.

⁵ Там же. С. 83–84; 272.

Практически сразу после своего образования Общество приняло участие и в распространении славянской Библии. Закупались издания, остававшиеся у Св. Синода от предыдущих тиражей, с целью последующей распродажи за минимальную плату или бесплатной раздачей бедным. В 1814 г. было принято решение о печатании славянской Библии в типографии РВО. За 10 лет Обществом было осуществлено 15 изданий полной славянской Библии общим тиражом 118 тыс. экземпляров, тираж отдельных изданий славянского Нового Завета составил 140 тыс. экземпляров⁶. Вся издательская деятельность осуществлялась только за счет добровольных пожертвований. Фактически в ведении РВО сосредоточилась вся деятельность по изданию Священного Писания в пределах Российской империи.

Сами организационные принципы Библейских обществ определяли успешное выполнение поставляемых целей. РВО явилось действенным «общественным» объединением, способным решать задачи, непосильные для традиционно косных институтов империи. Не в последнюю очередь его очевидный успех определялся значительными финансовыми средствами, поступающими в Общество в качестве добровольных пожертвований его влиятельных и богатых членов. Крупные суммы поступали от императора, членов царской семьи, Британского Библейского общества... РВО несло в себе и объединяющее начало: в нем осуществлялась возможность совместного присутствия и деятельности различных христианских конфессий, лиц из разных социальных слоев, прежде всего аристократии и духовенства, в традиционно сугубо церковном деле перевода, издания и распространения Священного Писания самое активное участие принимали светские лица. Можно утверждать, что библейское движение уверенно утверждалось в России, становясь поистине общим делом.

О своевременности открытия Библейского общества в России говорил митр. Новгородский и Санкт-Петербургский Амвросий (Подобедов), обращаясь к пастору Патерсону на первом собрании: «Вы могли думать, что прибыли в Россию в весьма неблагоприятное время [1812 г. — *здесь и далее в квадратных скобках пояснения автора*], но уверяю вас, что вы прибыли как раз вовремя. У нас есть поговорка: «гром не грянет, мужик не перекрестится». Ну, гром грянул над Россией, он смягчил сердца всех, заставил нас одуматься, и вы теперь пожинаете плод этого смутного времени»⁷. Это высказывание прямо затрагивает вызванный вторжением Наполеона глубокий кризис в общественном сознании. В значительной степени он обусловил религиозные искания

⁶ Астафьев Н. Указ. соч. С. 159.

⁷ Там же. С. 129.

в кругах аристократии. В это тяжелое для Российского государства время произошло приобщение к чтению Библии Александра I, которое стало для него частью неизменного поиска высшего предназначения его царствования⁸. Библейская просвещенность, к тому же, укладывалась в общую концепцию просвещения народа как одного из предполагаемых Александром путей к широкому реформированию России. «Синхронность» появления Библейского общества в России с определенными настроениями и ожиданиями Александра была воспринята им, по существу, как ответ на них. Все это определило и ту легкость, с которой Общество было открыто в России, и отмечаемый повсеместный энтузиазм, который вызвала его деятельность. Можно по-разному оценивать религиозный настрой и духовные поиски александровской эпохи, но в любом случае остается констатировать, что они вели к источнику и корням христианского Откровения. Деятельность РВО определенно вызвала пробуждение широкого интереса к Библии в России. С рядом существенных оговорок можно говорить даже об открытии Библии для России.

После столь активного и успешного начала деятельности Библейского общества не мог не встать вопрос о русском переводе Библии. Действительно, складывалась парадоксальная ситуация: при очевидной недоступности Священного Писания для большинства православного населения *Российское* Библейское общество, членами которого в большинстве состояли православные от императора и высших сановников государства до ведущих иерархов Церкви (особенность ситуации именно РВО), занималось переводом, изданием и распространением Библии прежде всего среди иносланных и национальных меньшинств. Уже в 1813 г. архим. Филарет (Дроздов) указывал на ненормальность такого положения дел. Именно он поднял вопрос о том, чтобы Общество приняло на себя попечение о распространении и издании славянской Библии: «да не отъимется хлеб чадом». Но ограничиваться одним печатаньем славянской Библией для удовлетворения потребности библейского просвещения русского народа было уже невозможно — идея русского перевода «витала в воздухе».

Вопрос о необходимости русского перевода Библии был поднят самим императором следующим порядком. В конце 1815 г. после триумфального возвращения в Россию Александр I был ознакомлен с обширной издательской деятельностью Общества. Тогда «по собственному движению сердца» он «изустно повелел президенту Российского Библейского общества предложить Св. Синоду искреннее и точное желание Его Величества доставить и россиянам способ читать Слово Божие

⁸ См. Рассказы кн. А.Н. Голицына: Из записок Ю.Н. Бартнева // Русский Архив. 1886. Кн. 2.

на природном своем российском языке, *яко вразумительнейшем для них славянского наречия*, на коем книги Священного Писания у нас издаются»⁹. Нужно отметить, что сам Александр после своего «библейского обращения» регулярно читал Библию во французском переводе¹⁰. 28 февраля 1816 г. кн. А.Н. Голицын, как обер-прокурор Св. Синода, докладывал на Синоде волю государя-императора. В Высочайшем Волеизъявлении, в частности, подчеркивалось: «Его Императорское Величество, как *внутренним Божественным достоинством Священного Писания*, так и *самыми опытами* убеждаясь в том, сколь полезно чтение оного людям всякого звания, *для преуспеяния в благочестии и благонравии*, на

Князь А.Н. Голицын

коих зиждется *истинное благо людей и народов*; и по сему обращая внимание на действия Российского Библейского общества, с прискорбием усматривает, что многие из россиян, по свойству полученного ими воспитания, быв удалены от знания древнего словенского наречия, *не без крайнего затруднения могут употреблять издаваемые для них на сем единственно наречии священные книги*, так что некоторые в сем случае прибегают к пособию *иностранных переводов*, а большая часть и сего иметь не может <...> Его Императорское Величество находит <...> чтоб и для российского народа, под смотрением духовных лиц, сделано было переложение *Нового Завета* [таким образом в официальном постановлении речь шла только о новозаветной части Библии] *с древнего славянского на новое российское наречие*, каковое переложение и может быть издано для желающих от Российского Библейского общества вместе

⁹ Чистович И. А. История перевода Библии... С. 25.

¹⁰ Чистович отмечает: «Он [государь] считал делом особого милосердия Божия, что получил склонность и привычку к чтению Библии. Каждый день, каковы бы ни были его занятия, он читал три главы: одну из Пророков, одну из Евангелий и одну из Посланий апостольских. По его собственным словам, даже во время войны, даже при громе пушечных выстрелов, он не оставлял своего обычного чтения. В Слове Божиим он видел основу и опору веры, а в вере единственный закон, с которым должны сообразоваться в своей жизни люди и народы» (Чистович И. А. Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия: Комиссия духовных училищ. СПб., 1894. С. 167.)

с древним славянским текстом, подобно как издано с дозволения Св. Синода послание к Римлянам¹¹ на славянском и российском наречии совокупно. Само собой разумеется, что *церковное употребление славянского текста долженствует остаться неприкосновенным*¹². В качестве одного из аргументов в пользу русского перевода в докладе был упомянут санкционированный Вселенским Константинопольским патриархом перевод Нового Завета на новогреческий язык. Все говорит за то, что текст Указа был написан ректором СПбДА архим. Филаретом (Дроздовым)¹³. Св. Синод принял предложение государя к исполнению, поручив организацию перевода Комиссии духовных училищ. РБО осуществляло издание. Так началась история русского перевода Библии.

Концепция перевода Нового Завета была представлена в определении Комиссии духовных училищ от 16 марта 1816 г. Считают¹⁴, что ее также разработал архим. Филарет (Дроздов). Это были конкретные правила перевода, по сути, инструкция для переводчиков. Важно, что в них оригинальный греческий текст Нового Завета прямо рассматривался основой русского перевода, в отличие от прозвучавшего в докладе Голицына простого *«переложения Нового Завета с древнего славянского на новое российское наречие»*. В этом документе были заложены и принципы, устанавливающие генетическую связь славянского и русского текстов. Среди важнейших правил, определивших текстовую основу нового перевода, необходимо выделить следующие: *«<...> 11) греческого текста, как первоначального, держаться в переводе преимущественно перед славянским; но слов, избыточествующих в славянском, не исключать из текста, а только отличать их знаками; 12) величие Священного Писания состоит в силе, а не в блеске слов; из сего следует, что не должно слишком привязываться к славянским словам и выражениям, ради мнимой их важности; 13) славянские слова употреблять необходимо, если не достает собственно русских; 14) славянские выражения употреблять, если они ближе русских подходят к греческим, не производя в речи темноты или нестройности; 15) славянские слова удерживать, если соответствующие им русские не принадлежат к чистому книжному языку»*¹⁵. Преимущество по отношению к славянскому тексту декларировалась и в принятом решении печатать оба текста вместе в два параллельных столбца, что ставило славянский перевод в отношении к русскому в *«положение образца и подлинника»*¹⁶, хотя новый перевод был, безусловно, самостоятельным переводом с греческого оригинала.

¹¹ Речь идет о сочинении архиеп. Мефодия (Смирнова) — см. выше.

¹² Пытин А.Н. Указ. соч. С. 57–58.

¹³ Корсунский И. Н. О подвигах Филарета, митрополита Московского... С. 231.

¹⁴ Там же. С. 236; 445–446.

¹⁵ Чистович И.А. История перевода Библии... С. 27.

¹⁶ Новый Завет в переводе Российского Библейского общества. М., 2000. Предисловие. С. 9.

Переводческая работа была организована следующим порядком. Комиссия духовных училищ осуществляла общую координацию переводческой работы. Ответственным за исполнение проектов был назначен ректор Санкт-Петербургской духовной академии архим. Филарет (Дроздов). В структуре РБО был образован Переводной комитет. В состав Комитета, редактировавшего перевод Нового Завета, вошли: митр. Новгородский и Санкт-Петербургский Михаил (Десницкий), архиеп. Тверской Серафим (Глаголевский), архим. Филарет (Дроздов), секретарь РБО В.М. Попов, один из директоров РБО и вице-президент Императорской академии художеств

А.Ф. Лабзин. Необходимо отметить, что все указанные духовники входили также в состав Св. Синода (Филарет с 1819 г., поначалу являясь правящим архиереем Тверской епархии) и Комиссии духовных училищ. Таким образом, сразу устанавливалось тесное сотрудничество РБО и Св. Синода, которое представляется принципиальным для проекта русского перевода Священного Писания. Прежде всего для удовлетворения нужд православных подкомитет действительно был рабочий — здесь переводы провизуировались и редактировались. При этом конечный вариант рассматривался участниками издания как результат коллективной деятельности Переводного комитета. О интенсивности работы Комитета позволяет судить высказывание свят. Филарета: «Я писал было я строку, хотел сказать, что я сподоблен был своим опытом перевода Евангелия от Иоанна на русское наречие: но оно было потом в столь многих руках, что было бы хищением, по сему захотел приписать мне сей перевод напечатанным лучше и справедливее молчать о сем»¹⁷. Такая «обезличенность» работы, понятно, обусловленная подобной организацией деятельности, привнесла значительные трудности в восстановление хода работы и у

Святитель С

¹⁷ Корсунский И.Н. О подвигах Филарета, митрополита Московского... С. 504–505.

Митрополит Серафим (Глаголевский)

имен переводчиков. Изданные отчеты РБО, к сожалению, не предоставляют по этому вопросу исчерпывающих материалов, что заставляет обращаться к воспоминаниям современников, зачастую довольствоваться предположениями. В первую группу переводчиков, сформированную архим. Филаретом, вошли: бакалавр¹⁸, впоследствии профессор, Санкт-Петербургской духовной академии по классу еврейского языка свящ. Г.П. Павский, переведивший Евангелие от Матфея; инспектор Санкт-Петербургской духовной семинарии архим. Поликарп (Гойтанников), переведивший Евангелие от Марка; бакалавр Санкт-Петербургской духовной академии по классу церковной словесности архим. Моисей (Богданов-Платонов), переведивший Евангелие от Луки. Все — выпускники первого курса Санкт-Петербургской академии (1809–1814 гг.) со степенью магистра, ученики архим. Филарета. Сам архим. Филарет, как уже было отмечено, переводил Евангелие от Иоанна. Имена переводчиков остальных произведений Нового Завета достоверно не известны. Впоследствии среди переводчиков митр. Филарет (Дроздов) называл инспектора Академии архим. Григория (Постникова) и бакалавра Академии архим. Кирилла (Богословского-Платонова), также его учеников по первому академическому набору¹⁹.

Вначале было издано Четвероевангелие в 1819 г., в полном составе Новый Завет вышел в 1821 г. В этот промежуток также осуществлялись издания новозаветных книг в различном составе. Текст располагался в двух параллельных колонках: слева — славянский, справа — русский. В 1823 г. после утверждения государем доклада паст. Патерсона Комитету РБО о целесообразности по причинам финансовой экономии

¹⁸ «Бак(к)алавр» — преподавательское звание в отечественной системе духовного образования, предшествующее званию профессора. Реформой 1869 г. заменено на звание «приват-доцента».

¹⁹ Чистович И.А. История перевода Библии... С. 28; Корсунский И.Н. О подвигах Филарета, митрополита Московского... С. 238–239.

и удобства в пользовании издавать русский перевод Нового Завета отдельно последовала его первая публикация без славянского текста²⁰.

Издания Нового Завета РВО включали два предисловия: 1) «Возглашение к христоролюбивым читателям» к Четвероевангелию 1819 г., повторяемое затем во всех изданиях новозаветных текстов, подписанное Михаилом (Десницким), митр. Новгородским и Санкт-Петербургским, Серафимом (Глаголевским), митр. Московским и Коломенским и Филаретом (Дроздовым), архиеп. Тверским и Кашинским; 2) отдельное прибавление «К христоролюбивым читателям. По случаю издания всего Нового Завета на одном Руском [правописание подлинника] наречии» к изданию Нового Завета 1823 г. за подписями Серафима (Глаголевского), митр. Новгородского и Санкт-Петербургского, Филарета (Дроздова), архиеп. Московского и Коломенского, и Ионны (Павинского), архиеп. Тверского и Кашинского. Оба предисловия были составлены свят. Филаретом. В первом аргументировалось само начинание русского перевода как отвечающее древней христианской практике. Указывалось, что перевод Священного Писания освящает тот язык, на который он делается, что произошло со славянским. Необходимость русского перевода обосновывалась «таким удалением» обиходного языка от славянского, что славянский сделался «мало понятным». Отмечалось, что требуется «от времени до времени возобновлять перевод, подобно с состоянием сего языка в его народном употреблении». Предисловие включало текст волеизъявления императора, зачитанный Св. Синоду кн. Голицыным и Высочайше санкционировавший русский перевод. Более краткое второе предисловие, по сути, дополняло первое. Оно, в частности, отвечало на вопросы о расхождении версий славянского и русского переводов, подчеркивая, что издатели «с возможной точностью держались подлинника греческого по древнейшим и вернейшим его спискам, из которых святые Отцы выписывали Евангельские и Апостольские слова в свои сочинения».

В процессе работы менялся состав участников перевода и Переводного комитета, их церковный статус. Митр. Серафим после кончины митр. Михаила в 1821 г. был переведен на Новгородскую и Санкт-Петербургскую

²⁰ Всех изданий перевода Нового Завета насчитывается: Четвероевангелие («Библия. Новый Завет. Евангелие») — 2 изд. в СПб. 1819 г. общ. тир. в 15 тыс. экз.; полный Новый Завет («Библия. Новый Завет. Господа нашего Иисуса Христа Новый Завет, : На славянском и русском языке») — 6 изд. в СПб. 1821–1823 гг. общ. тир. 45 тыс. экз., 2 изд. в Москве 1822–1823 гг. общ. тир. 10 тыс. экз.; полный Новый Завет только на русском языке («Библия. Новый Завет. Господа нашего Иисуса Христа Новый Завет») — 3 изд. в СПб. 1823–1824 гг. общ. тир. 15 тыс. экз., 1 изд. в Москве тир. 5 тыс. экз. Также с 1820–1822 гг. на славянском и русском языках параллельно издавались: Четвероевангелие и Деяния — 2 изд. в СПб.; Четвероевангелие, Деяния и 10 Посланий — 2 изд. в СПб.; отдельно Деяния — 2 изд. в СПб.; отдельно 10 Посланий — 1 изд. в СПб.; отдельно 11 Посланий и Апокалипсис — 1 изд. в СПб. (Сводный каталог русской книги. 1801–1825. Т. 1. М., 2000. С. 131–136.)

кафедру и занял место первенствующего члена Св. Синода. В работе Комитета участвовали архиереи, в различные годы входившие в состав Св. Синода. Архим. Филарет в 1817 г. был посвящен в епископский сан с назначением викарным архиереем Санкт-Петербургской епархии с титулом Ревельского, в 1819 г. назначен на Тверскую кафедру с возведением в звание архиепископа, в 1820 — на Ярославскую, в 1821 г. переведен в Москву. Будучи в епископском сане, свят. Филарет продолжал принимать участие и в организации перевода, и в подготовке его к изданию в Переводном комитете. Однако его занятость епархиальными делами способствовала тому, что основная роль в ведении и осуществлении переводческих программ перешла к прот. Г.П. Павскому. Павский, один из директоров РВО, был включен в Переводной комитет, став ведущим редактором всех осуществляемых переводов.

В 1820 г. «рабочим порядком» было принято решение о начале перевода Ветхого Завета. В отличие от проекта по переводу Нового Завета, не последовало никаких официальных постановлений, выражавших концепцию перевода. Таким образом, сохраняли силу положения Комиссии духовных училищ от 1816 г. В них, однако, не решался принципиальный для перевода Ветхого Завета вопрос выбора текстовой основы нового перевода, где ситуации Ветхого и Нового Заветов существенно различались. Тем не менее, по характеру осуществленных переводов и их редактированию в Переводном комитете можно говорить о наличии общей концепции. И хотя среди высказываний официальных лиц, касавшихся перевода Ветхого Завета, могло проскальзывать, уже ставшее нарицательным, «переложение со славянского на русское наречие»²¹, все переводы делались с еврейского, масоретского, текста, ставшего его основой. При редакторской правке в Переводном комитете русский перевод дополнялся версиями греческого перевода Семидесяти толковников, варианты которого помещались в окончательном тексте в квадратных скобках. Отдельные места могли переводиться прямо с греческого, как это было сделано с рядом стихов Псалтири. Решение издателей положить в основу русского перевода Ветхого Завета масоретский текст нужно признать серьезным, смелым и радикальным выбором, изначально декларировавшим самостоятельность русского перевода. Таким образом удавалось отстраниться от проблем текста Семидесяти, в свое время поставивших в тупик издателей Елизаветинской Библии. Подобная стратегия, однако, вела к

²¹ Например: «По предложению преосвященного Серафима, митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского о поручении Киевской и Московской академиям переложить со славянского на русское наречие некоторых книг Ветхого Завета» (РГИА. Ф. 802 (Комиссии духовных училищ). Оп. 1. Д. 3462); предложение подписано митр. Серафимом.

неизбежному разрыву нового перевода со славянской Библией. Дополнения из Септуагинты фактически подчеркивали этот разрыв. Значительность объема Ветхого Завета к тому же изначально отвергала саму возможность издать параллельный славяно-русский текст, хотя вопрос о таком издании и пытался ставить митр. Серафим²².

Перевод Ветхого Завета Комиссия духовных училищ постановила распределить между тремя Духовными академиями. Так окончилась «монополия» Санкт-Петербургских духовных школ на перевод. Перевод должен был осуществляться в соответствии с порядком следования книг в Библии. Санкт-Петербургской духовной академии было предложено переводить книгу Бытия; Московской духовной академии (МДА) — книгу Исход; Киевской духовной академии (КДА) — книгу Левит.

Порядок этот был, однако, нарушен изданием в 1822 г. Псалтири. Приоритет, отданный Псалтири, легко объясняется ее исключительной значимостью в христианской литургической традиции, авторитетом этой ветхозаветной книги как наиболее известной и читаемой в народе. Из книг славянского Ветхого Завета только Псалтирь печатали отдельными тиражами. В этом отношении осуществленное издание русской Псалтири соответствовало прежней практике. Она становилась «пробным камнем» перевода Ветхого Завета, избранных издателями принципов. Публикация предварялась обращением «К христолюбивым читателям», составленным свят. Филаретом и подписанным тремя архиереями: Серафимом (Глаголевским), митр. Новгородским и Санкт-Петербургским, Филаретом (Дроздовым), архиеп. Московским, Симеоном (Смирновым), архиеп. Ярославским, являвшимися членами Св. Синода и Переводного комитета. В предисловии в осторожной и взвешенной форме оговаривались особенности еврейского и греческого текстов Псалтири, мотивировалось предпочтение, отданное издателями еврейскому тексту: «Не трудно всякому рассудить, справедливо ли поступлено, что в составлении перевода обращено было внимание на подлинник. В тех местах, где в еврейском подлиннике встречались слова, более или менее отличные своим значением от слов греческого перевода, и где слова еврейские в сравнении с греческими представляли более ясности и более взаимного согласия в целом составе речи, переводчики, без сомнения, обязаны были с особенною точностию держаться слов еврейских». Предисловие повторялось во всех тиражах Псалтири. Напечатан был только русский текст, поскольку параллельное издание в данном случае продемонстрировало бы разительные отличия славянского и русского переводов. Публикация

²² Об этом в письме архиеп. Филарету от 3 июля 1824 г. сообщает ректор СПбДА еп. Григорий (Постников): «Еще у него [митр. Серафима] есть твердая мысль, печатать Ветхий Завет со славянским». (Письма духовных и светских лиц к митрополиту Московскому Филарету (с 1812 по 1867 г.). СПб., 1900. С. 68.)

имела очевидный успех. За два года (1822–1824) было осуществлено 13 изданий Псалтири в Санкт-Петербурге, общим тиражом более 115 000 экз., два издания в Москве по 5 тыс. экз.²³. Псалтирь стала первой в рамках проекта РБО переведенной книгой Ветхого Завета и единственной поступившей в продажу.

Отмеченная уже определенная анонимность работы Переводного комитета РБО способствовала появлению в литературе нескольких версий о том, кто был переводчиком Псалтири. Собственно, называются два имени — прот. Г.П. Павского и свят. Филарета (Дроздова). Оба занимались Псалтирью по роду своей академической деятельности и имели труды по исследованию этой ветхозаветной книги. Курсовое сочинение Павского на звание магистра по классу (кафедре) богословских дисциплин и предмету священной герменевтики: «Обозрение книги Псалмов, опыт археологический, филологический и герменевтический» было рекомендовано к печати и издано в 1814 г. как образец ученых достижений выпускников новой, реформированной академии. Свт. Филарет, будучи еще бакалавром Санкт-Петербургской академии, составил учебник «Руководство к познанию книги Псалмов, особенно систематическому и богословскому», впоследствии им был опубликован толкования на отдельные псалмы. Астафьев писал: «Перевод сделан с еврейского подлинника самим архиепископом Филаретом, и снабжен предисловием, им же составленным, в коем, в объяснение разности, местами, с славянским текстом, удостоверялась, приводимыми примерами, верность русского перевода с подлинником»²⁴. С этим утверждением уважаемого историка, однако, трудно согласиться. Сочинение Астафьева во многих частях не является самостоятельным. В данном случае источником для него служил Чистович, у которого изложение именно данного вопроса не совсем внятно. Впрочем, Чистович нигде не говорил о том, что переводил сам свт. Филарет. Речь идет о том что, поскольку он со стороны Комитета больше всех участвовал в переводе Псалтири, государь поручил ему подготовить предисловие к изданию²⁵. Сам свт. Филарет никогда не называл себя переводчиком Псалтири. О себе как переводчике Псалтири определенно высказывался Павский: «Одна книга, переведенная мною в классе, представлена была в Св. Синод, который, по рассмотрении ее и исправлении в некоторых местах, издал ее в свет и пустил во всенародное употребление. Я говорю о Псалтири»²⁶. Об этом же есть его запись, сохраненная архивным документом: «Сим оканчиваю перевод

²³ Сводный каталог русской книги. С. 129–131.

²⁴ Астафьев Н. Указ соч. С. 135–136.

²⁵ Чистович И.А. История перевода Библии... С. 36.

²⁶ Барсов Н.И. Протоиерей Герасим Петрович Павский (Очерк его жизни по новым материалам) // Русская старина. Т. XXVII–XXVIII. 1880–81. Т. XXVIII. С. 221.

всего Священного Писания Ветхого Завета, *начатый мною с Псалтири, которая и напечатана в 1822-м году иждивением Российского Библейского общества, по предварительном рассмотрении и одобрении Святейшего Синода*²⁷. Есть и другие свидетельства, не оставляющие сомнения, что изданную РБО Псалтирь перевел прот. Г.П. Павский.

После издания Псалтири перевод книг Ветхого Завета осуществлялся установленным порядком, и первыми переведенными библейскими книгами стали книги Пятикнижия. Как это ни странно, но меньше всего конкретных сведений осталось о ходе переводческой работы в Санкт-Петербургской академии. Несмотря на то, что еще в 1819 г. перевод книги Бытия на русский язык был выполнен и издан Филаретом (Дроздовым) в его «Записках на книгу Бытия» (святителю, таким образом, принадлежит пальма первенства в опубликовании перевода ветхозаветной книги на русском языке), в СПбДА был сделан ее новый перевод. Чистович, в рецензии на труд Корсунского, полагает, что «дело перевода вел ректор Академии, преосвященный Григорий [Григорий (Постников)], со своими академическими сотрудниками, *главным образом, с Г.П. Павским*. <...> Филарет не усиливал своего личного влияния на ход этого дела, как можно судить по тому, что, несмотря на сделанный уже им и изданный перевод книги Бытия, Библейское общество делало новый перевод этой книги для своего издания»²⁸. Скорее всего перевод целиком принадлежал прот. Г.П. Павскому как ведущему гебраисту и лицу, непосредственно осуществлявшему редакцию всех переводов.

О переводческой деятельности в МДА подробно рассказано в работе Корсунского²⁹. Книгу Исход переводил выпускник 1-го курса СПбДА проф. МДА по классу еврейского языка А. Тяжелов. Перевод был отослан в Переводной комитет в 1821 г.

Книгу Левит начали переводить в Киевской академии. Чистович переводчиками в Киеве называет бакалавра еврейского языка А. Максимова, бакалавра математики и физики С. Колерова и бакалавра словесности П. Соколова³⁰. В работе, посвященной истории КДА, также указывается бакалавр математики и физики С. Гуляев³¹. Все — выпускники Санкт-Петербургской академии, ученики свт. Филарета

²⁷ РНБ, фонд 573 (СПбДА), № А 1/187. Л. 87–88 об.

²⁸ Чистович И.А. Рецензия: О подвигах Филарета, митрополита московского в деле перевода Библии на русский язык: Историко-критическое исследование Ивана Корсунского. М., 1883 // Отчет к 28 присуждению награды графа Уварова. Приложение к 53-му тому Записок Академии наук. № 4. СПб., 1886. С. 4.

²⁹ Корсунский И. Н. Труды Московской духовной академии по переводу Св. Писания и творений св. отцов на русский язык за семьдесят пять лет (1814–1889) ее существования // Прибавления к Творениям св. отцов. 1889. Кн. IV и сл.

³⁰ Чистович И. А. История перевода Библии... С. 34–35.

³¹ Пятидесятилетний юбилей Киевской духовной академии. Киев, 1869. С. 89.

и прот. Г. Павского. Известно, что переводившие книгу Левит Максимович, Колеров и Соколов летом 1821 г. были переведены из КДА в семинарии: Максимович — в Черниговскую, Колеров — в Тверскую и Соколов — в Ярославскую. Весьма вероятно, что на этом их деятельность по переводу книги Левит прекратилась. Перевод не был готов и к 1823 г. Учитывая ведущую роль прот. Г.П. Павского в переводах ветхозаветной части Библии, можно предполагать, что он и довершил неоконченную работу, если не сделал ее целиком.

В 1823 г. Комиссия духовных училищ утвердила план дальнейшей работы по переводу. «Предложением» от 11 мая 1823 г. Комиссия духовных училищ поручила продолжить перевод книг Ветхого Завета, закрепив их между академиями в следующем порядке: книги Чисел, Иова, Притчей Соломона, Екклесиаста и Песни Песней предлагались Санкт-Петербургской академии; Второзакония, 1 и 2 Царств, 1 и 2 Паралипоменон и Неемии — Московской; Иисуса Навина, 3 и 4 Царств, 1 и 2 Ездры и Товита — Киевской³².

Сведения о имени переводчика книги Чисел из СПбДА опять отсутствуют, всего вероятнее это был прот. Г.П. Павский.

Порученный МДА перевод Второзакония был завершен в том же 1823 г. Над ним трудились бакалавры: еврейского языка М.Л. Ловцев, греческого — П.М. Терновский. Перевод 1 и 2 книг Царств, 1 и 2 Паралипоменон Академия поручила семинариям: Вифанской — 1 книгу Царств, Московской — 2 книгу Царств, Владимирской — 1 книгу Паралипоменон, Калужской и Костромской — 2 книгу Паралипоменон³³. Переводы 1 и 2 Царств, 1 и 2 Паралипоменон были выполнены и представлены в течение 1824 г., самый последний из них — в сентябре³⁴. Вероятно, что все они поступили в Переводной комитет РВО.

Нет достоверных сведений о переводах, выполненных Киевской академией. О том, где и кто переводил книги Судей и Руфь, также не осталось никаких свидетельств. По всей видимости, как не вошедшие в определенный Комиссией духовных училищ список книг для академий Московской и Киевской 1823 г., они были переведены в СПбДА Павским.

В обозрениях истории русского перевода РВО можно встретиться с двумя версиями о количестве вышедших из печати книг Ветхого Завета: Пятикнижии и Восьмикнижии (не считая Псалтири). Такое смешение происходит из-за того, что первоначальный план отдельного издания Пятикнижия был изменен по представлению нового президента РВО митр. Серафима. Определением от 8 июня 1824 г. было принято решение

³² РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 3462.

³³ Корсунский И.Н. Труды Московской духовной академии... С. 448.

³⁴ Там же. С. 450–452.

об издании полного текста русской Библии в пяти томах, по примеру некоторых изданий славянской Библии, где объем первого тома составляли первые восемь книг Ветхого Завета. Книги Иисуса Навина, Судей и Руфь были допечатаны и добавлены к уже сделанному изданию Пятикнижия³⁵. Тем не менее, готовый к распространению десяти-тысячный тираж первого тома Священного Писания на русском языке света так и не увидел. В конце 1825 г. его экземпляры были сожжены на кирпичном заводе Александро-Невской лавры³⁶. Этим завершилась работа Российского Библейского общества по переводу и изданию русской Библии. Остальные книги Ветхого Завета, переводы которых успели сделать в рамках программы РБО, в печать уже не пошли.

В судьбах и Российского Библейского общества, и русского перевода Библии 1824 год явился отчетливым временным водоразделом, знаменовавшим окончание фазы успешной деятельности. 15 мая 1824 г. неизменный энтузиаст библейского дела и проводник интересов Общества кн. А.Н. Голицын был вынужден оставить пост президента РБО. Место Голицына занял митр. Новгородский и Санкт-Петербургский Серафим (Глаголевский). Все действия нового президента с этого времени были направлены на развал библейского движения и прекращение проекта русского перевода Библии. Номинально Российское Библейское общество просуществовало еще до 12 апреля 1826 г., когда оно было закрыто на основании наложенного на соответствующее совместное представление его президента и Киевского митр. Евгения (Болховитинова) Высочайшего рескрипта уже нового императора Николая Павловича. Свернутыми оказались все переводческие программы РБО.

Что же произошло со столь блестяще начавшимся библейским движением? Общее странное впечатление от случившегося очень выразительно передал ведущий исследователь истории РБО А.Н. Пыпин: «Судьба Русского Библейского общества есть судьба многих начинаний в русской общественной жизни; начало его было несмело, даже через меру осторожно и окружено всякими оговорками; Общество укрепляется только получив официальную санкцию, — в силу которой оно потом быстро распространяется, так что охватывает положительно все края империи и везде имеет своих членов, благотворителей и со товарищей; затем оно вдруг рушится, хотя мы напрасно ищем причины падения в его собственных действиях, потому что ничего нового в нем не произошло, и оно падает в том самом виде, в каком еще незадолго перед тем оно одобрялось и поощрялось высшими властями; причина закрытия отыскивается в обстоятельствах, посторонних его сущности;

³⁵ Чистович И.А. История перевода Библии... С. 40–41.

³⁶ Там же. С. 117–118.

в конце, осуждение падает на все целиком, не разбирая правых и виноватых...»³⁷ Подобная неестественность происшедших с Обществом времен позволяет предполагать резкое изменение обстоятельств, определивших первоначальный успех его деятельности.

Необходимо отметить, что со дня своего основания РБО оказалось в самом центре весьма своеобразной религиозно-политической атмосферы. Речь идет о культивировавшихся во время царствования Александра I мистических настроениях в высших кругах российского общества. Саму по себе мистику можно рассматривать как особый способ постижения реальности, одну из форм религиозной жизни, важную, но не единственную и далеко не беспроблемную. Она никогда не была уделом большинства, оставаясь прерогативой наиболее религиозно чутких и одаренных личностей. В данном же случае вопрос фактически стоял о ее утверждении в качестве нормы общественного сознания, по сути, придания ей статуса общеобязательной, государственной идеологии. Еще в предшествовавшие царствования мистицизм активно практиковался в масонских кругах. Через масонские ложи он перешел в александровское время. Особое внимание мистике уделял Александр I, для которого она была неизменной частью личностных исканий, поиска сокровенного смысла его монаршего избранничества, а также путей обустройства и реформирования государства. Собственно, через мистику происходило становление его самосознания как помазанника на царство, которое далее проецировалось на все сферы религиозного и социального устройства империи. Основополагающей концепцией мистицизма было личное переживание Христа, обретение и соединение Его с душой верующего, так называемая, «религия сердца», высшее, духовное христианство. Как от идеологии, от мистицизма ожидали сплочения общественного сознания, его универсалистские принципы в ситуации многоконфессионального и многорелигиозного государства должны были казаться привлекательными своими возможностями в обретении приемлемого для всех конфессий и даже религий единого основания. Таковыми и постулировались прежде всего внутренние религиозные чувства и индивидуальный мистический опыт.

Мистицизм александровской эпохи не был однородным явлением — он тесно переплетался с пиететическими настроениями, различного рода религиозной экстазией, менялся его настрой от ожидания Тысячелетнего Царствия до свершения Страшного Суда. В общественное сознание подобная идеология внедрялась через перевод и широкое тиражирование произведений таких западных мистиков, как Юнг-Штилинг, Беме, Эккартсгаузен, Сведенборг, Сен-Мартен и других, через

³⁷ Пытин А.Н. Указ. соч. С. 98–99.

пиетические сочинения. В столице постоянно подвизались иностранные католические и протестантские проповедники, которых объединяла приверженность мистическим переживаниям, и которые часто находились в конфликте с собственным церковным начальством. На самом высоком уровне пристальный интерес выказывался различным сектам, практиковавшим религиозную экстастику. Так, известны встречи и молитвы Александра с квакерами. По существу, Россия становилась прибежищем различных церковных диссидентов. Мистицизм пропагандировался и в среде православного духовенства. Епархиальным архиереям вменялось в обязанность закупать и распространять соответствующие мистические и пиетические издания. Путешествовавшие по России эмиссары квакеров принимались высшим православным духовенством. В первой учрежденной в 1809 г. по новой реформе духовного образования Санкт-Петербургской духовной академии студентам рекомендовалось чтение мистической литературы; поощрялось их приобщение к различным сторонам религиозной жизни столицы (в частности, известны случаи если не участия, то посещения некоторыми студентами пользовавшихся популярностью в высшем свете столицы экстастических радений кружка Е.Ф. Татариновой); первым ректором Академии был назначен известный своими мистическими настроениями архим. Евграф (Музолевский)...

Одним из главных проводников «мистической» идеологии был кн. А.Н. Голицын, по едкому выражению современника, «влезший по уши в мистицизм»³⁸. Личный друг и единомышленник Александра I Голицын, бесспорно, выражал позицию и настроения самого императора в религиозной сфере. В 1817 г. князь возглавил новое министерство Духовных дел и Народного просвещения, подразделявшееся на два соответствующих департамента. Сама организационная структура его департамента Духовных дел, где греко-российское исповедание было представлено на равных с другими конфессиями и даже нехристианскими религиями, предполагала широкую веротерпимость и отвечала принципу равноправия религий в государстве. Одной из важнейших задач департамента Народного просвещения ставилась организация образования на религиозной основе. Таким образом, наряду с провозглашением широкой толерантности в отношении к различным религиям и религиозным конфессиям, выдвигалось требование обязательности религиозности как таковой. В практическом выражении это проявилось, в частности, в таких неприглядных событиях российской истории 20-х годов XIX столетия, как «чистка» Санкт-Петербургского и Казанского университетов, устроенная Д.П. Руничем и М.Л. Магницким.

³⁸ Шильдер Н.К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. IV. С. 10.

И Рунич, и Магницкий были чиновниками в министерстве Голицына. По своей сути эти действия были попыткой насаждения новой идеологии в системе высшего образования, и изгнание ряда ведущих профессоров стало ее первым противостоянием с только зарождавшейся в университетском образовании позитивистской наукой. Как и любая идеология, мистицизм в этом качестве не терпел альтернативы.

Библейское движение рассматривалось Александром I и Голицыным органической частью утверждаемой идеологии. В значительной степени через призму мистического осознания ими воспринималось содержание Библии, прочитывался библейский текст. Принцип «внеконфессионализма», декларируемый библейским движением, видимо, воспринимался созвучным мистической концепции «религии сердца», как стоящей выше «узких рамок» религиозности церковной. Ведущая роль в Обществе кн. Голицына, членство в нем таких приверженцев мистицизма, как Лабзин, издатель мистического журнала «Сионский вестник» и переводов западной мистической литературы, Попов, неизменный участник собраний кружка Татариновой, других персон, отдававших дань специфическим религиозным веяниям времени, фактически ставили РБО в положение проводника идеологии мистицизма. По существу, РБО становилось инструментом реализации соответствующих религиозно-политических воззрений. Как подчеркивал Пыпин, «Библейское общество почти отождествлялось с министерством [Голицына]»³⁹. Таким образом, происходила тонкая подмена смысла библейского дела. Собственно библейская деятельность становилась составляющей несвойственного ей мировоззрения.

Политика «космополитизма» в религиозной сфере, однако, вступала в очевидное противоречие с традиционным укладом России как православного государства: организационные принципы министерства кн. А.Н. Голицына определенно ущемляли права и интересы Православной Церкви, нарушая ее исторически сложившийся статус; пропагандируемый мистицизм, основанный на западных источниках, и явное потворство самым различным иностранным сектам не могли не вызывать смущения в православных кругах. Еще в 1818–1819 гг. возник конфликт между архим. Иннокентием (Смирновым), ректором Санкт-Петербургской духовной семинарии и цензором духовной литературы, и Голицыным по поводу публикаций «Сионского вестника» и книг мистической направленности. Непросто складывались отношения Голицына с митр. Санкт-Петербургским Михаилом, жаловавшимся на «слепотствующего министра» государю⁴⁰...

³⁹ Пыпин А.Н. Указ. соч. С. 157.

⁴⁰ Там же. С. 59–61.

В жизни Российского государства определенно складывались предпосылки серьезного общественного конфликта. Тем не менее, одними причинами религиозно-социально-политического порядка нельзя исчерпывающе объяснить историю с закрытием РБО. Все исследователи XIX столетия в оценке ситуации с РБО вынуждены были уделять отдельное внимание личностному фактору, как решающему в стечении многих ее обстоятельств. Начиная с исследования Пыпина, в основных работах, посвященных истории РБО и русского перевода, превалирует мнение, что конкретные действия, которые привели к закрытию Библейского общества, явились результатом интриги гр. А.А. Аракчеева против кн. А.Н. Голицына⁴¹. При этом в мотивации самого Аракчеева трудно усмотреть какие либо иные причины помимо стремления обеспечить для себя возможность единоличного влияния на государя, преградой чему он считал личную дружбу и близость к Александру I кн. Голицына. РБО оказалось втянутым в сферу внимания Аракчеева лишь в связи с его президентом. Пыпин утверждал: «Аракчееву, по всей вероятности, не было ни малейшего дела до Библейского общества»⁴². Ревность к закрытию Общества, однако, проявили сподручные Аракчеева, и его упразднение стало, таким образом, следующим этапом развития интриги по смещению Голицына с занимаемых им постов. Здесь в роли используемой стороны оказался уже сам граф.

Свои намерения гр. Аракчееву удалось осуществить с помощью, прежде всего, митр. Санкт-Петербургского Серафима и настоятеля Юрьевского монастыря архим. Фотия (Спасского), «помог» и быстро переметнувшийся в лагерь противников своего непосредственного начальника М.Л. Магницкий, рассчитывавший занять министерское кресло патрона⁴³. Сам Аракчеев находился в теневой позиции, координируя действия двух духовных персон. Несмотря на несоизмеримость иерархических рангов митрополита и архимандрита, решающим в успешности осуществления интриги, похоже, стало влияние на государя, которое удалось приобрести Фотию.

С архим. Фотием Александра I познакомил сам кн. А.Н. Голицын в 1822 г. Государь заинтересовался Фотием как духовным лицом

⁴¹ Эту версию Пыпина (Указ. соч. С. 180–181; 207 и далее), повторяют и Чистович (История перевода Библии. С. 63 и далее), и Корсунский (О подвигах Филарета, митрополита Московского. С. 261 и далее).

⁴² Пыпин А.Н. Указ. соч. С. 181; 207.

⁴³ Магницкий занимал высокий чиновничий пост в министерстве Голицына, будучи членом Главного правления училищ и попечителем Казанского учебного округа. Его действия могут служить своеобразным индикатором меняющейся конъюнктуры эпохи. В период фавора Голицына Магницкий неизменно демонстрировал свое «религиозное рвение» и «библейский энтузиазм». Как только положение Голицына стало колебаться, Магницкий перешел в лагерь его противников. Он был активной действующей фигурой в провоцировании скандалов, сначала, вокруг Голицына, позднее, в связи с некоторыми переводами РБО. Впоследствии, не добившись поста министра, он пытался «подсидживать» уже своего нового начальника адм. Шишкова.

с визионерскими прозрениями и мистическим опытом. Александр неизменно проявлял внимание к лицам, претендовавшим на обладание необычными способностями в духовной сфере, в мистических озарениях которых искал указания на высшие знамения времени. В какой-то момент Фотию удалось завоевать доверие государя, оттеснив известную провидицу баронессу Крюднер, священников Феодосия Левицкого и Феодора Лисевича, претендовавших на роль «двух свидетелей» Апокалипсиса (Откр 11, 3), других подобных лиц. О архим. Фотии сохранились разноречивые отзывы и воспоминания. У многих современников и последующих исследователей Фотий снискал незавидную «славу» религиозного фанатика и изувера. Лаконичный, но емкий религиозно-психологический портрет Фотия, позволяющий разглядеть в нем в том числе и черты, способные заинтересовать и даже прельстить Александра, дан о. Г. Флоровским: «Изуверный обличитель мистических и прочих зловерных происков, *Фотий был при этом человек того же психического склада, что и его противники, и страдал тем же экстатическим недугом. Фотий написал впоследствии свою автобиографию, — очень убедительный и очень жуткий автопортрет. Перед нами экстатик и визионер, почти что вовсе потерявший чувство церковно-канонических реальностей, и тем более притязательный, совсем не смиренный. Это образ самозваного харизматика, очень самомнительного и навязчивого, всегда создающего вокруг себя атмосферу какого-то изолирующего возбуждения. Это типичский образ прелести, страшный закоулок или тупик ложного аскетизма. Фотий весь в душевности, весь во впечатлениях и переживаниях, у него нет ни духовной перспективы, ни подлинной глубины, ни созерцательного размаха. Он весь в испуге и в страхе, — и если наступает, то именно с перепуга. В этом ответ на трудный вопрос о его искренности. Нет, он не был нечестным лицемером, он целен в своих действиях и разоблачениях⁴⁴, — он восстал на Библейское общество в действительной уверенности, что борется с самим Велиаром («архангельское подвизание»). Но для такого типа изуверов, действительно, характерно это своеобразное самомнение, *самочувствие пророка, призванного или посланного, самочувствие чрезвычайной миссии или посольства, некий экстатический эгоцентризм. Скорее можно говорить об одержимости, чем о лицемерии. Во всяком случае, всего менее**

⁴⁴ Хотя прот. Г. Флоровский считает возможным говорить об искренности и нелицемерии Фотия, ставя акцент на состоянии духовной прелести и одержимости, многие авторы убедительно подчеркивают как раз очевидную зависимость поступков архимандрита от конъюнктурности того или иного вопроса, вполне отчетливую меркантильность его мнений и действий в самых различных обстоятельствах. К примеру, смена характера его высказываний о своем учителе свят. Филарете (Дроздове) от почтительных до почти бранных и снова почтительных последовательно отражает изменение положения святителя, «шаткость» его в 1824–1825 гг. (См.: Материалы для биографии Филарета, митрополита Московского. М., 1868. Приложение «О записках Юрьевского архимандрита Фотия». С. 192).

слышится в неистовых воззваниях и выкриках Фотия голос церковной старины или древнего предания. Он для этого слишком мало знал, с отеческими и даже аскетическими творениями был мало знаком, и на них почти не ссылается. «Святых отцев не имею», — писал он сам, — «одну св. Библию имею и оную читаю». В этом отношении Фотий не отступает от привычек тогдашнего «библейского» времени. Фотий не был и строгим ревнителем или хранителем церковных обычаев или преданий. Он любил все делать по-своему, потому и ссорился постоянно с церковными властями. *Аргументирует он от личных прозрений и вдохновений, видений, явлений, снов.* Фотий не столько суеверен, сколько был изувер...»⁴⁵ По всей видимости, духовный пессимизм, определявший настроения правящего Монарха в 20-е годы, оказался созвучным мрачным прогнозам Фотия. Как

Епископ Фотий (Спаска)

далее отмечает Флоровский, «когда его [Фотия] действительные и воображаемые враги вычитывали оттуда [из Апокалипсиса] Тысячелетнее Царствие, он всюду разгадывал Антихриста»⁴⁶. В какой-то момент религиозные искания времени повернулись своей теневой стороной, выразителем которой и можно считать Юрьевского архимандрита. Показательно послание, направленное Фотием императору 29 апреля 1824 г. Оно представляет собой инструкцию по спасению России, записанную как «*Божие Повеление Александру через Фотия*». Фотий пишет, что он «молился Господу Богу», и что ему было «открыто», что нужно «делать немедленно». План спасения состоял из 4 пунктов: «1, *Министерство Духовных дел уничтожить*, а другие два отнять у известной особы [Голицына]. 2, *Библейское общество уничтожить*, под тем предлогом, что уже много напечатано Библий, и они теперь не нужны. 3, Сино

⁴⁵ Флоровский Г., *прот.* Пути русского богословия. Париж. 1937. С. 156–157.

⁴⁶ Там же. С. 158.

быть по прежнему, и духовенству надзирать при случаях за просвещением, не бывает ли где чего противного Власти и Вере. 4, Кошелева отдалить, Госнера выгнать, Феслера выгнать и методистов выгнать, хотя главных. *Провидение Божие теперь ни чего более делать не открыло*⁴⁷.

Кн. Голицыну его бывшим протезе архим. Фотием были устроены провокационные и уродливые сцены, где архимандрит провозгласил князю не укладывавшуюся ни в какие нормы церковного права анафему. Как раз в это время «подоспел» и скандал с публикацией сомнительного сочинения пастора Госнера, которую, как крамольную, вменили в вину Голицыну... Встречи с Фотием, его послания, демарши митр. Серафима в конце концов убедили Александра в необходимости пресечения деятельности Голицына и возглавляемого им министерства, однозначно представляемой противниками Голицына как революционный заговор. Практическим результатом наветов на Голицына стала его отставка с постов министра Духовных дел и Народного просвещения и президента РВО. Министерство снова было разьединено. Отделение греко-православного исповедания было выделено из министерского подчинения и возвращено в ведение обер-прокурора Св. Синода. На место князя пришли другие люди, утверждавшие уже существенно иные настроения.

Если участие в этой интриге Аракчеева и Магницкого, как обусловленное сугубо личными, карьерными амбициями, малоинтересно, то вовлеченность в нее митр. Серафима и архим. Фотия должна производить впечатление ревнования об ущемленных правах Православной Церкви, о принижении ее места в институциональном устройстве Российского государства. Тем не менее, представление митр. Серафима и архим. Фотия выразителями общецерковного протеста против политики правительства в религиозной сфере вряд ли будет правильным. Необходимо отметить, что единая церковная оппозиция государственной власти для церковной ситуации первой половины XIX в. трудно представима.

---

⁴⁷ Из записок Юрьевского архимандрита Фотия // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских. М., 1868. Кн. 1. С. 271. Чтобы не сомневаться и в характере «откровений» Фотия, стоит обратить внимание на 12 пункт «Обозрения плана революции или тайны беззакония, деемой ныне в России и везде» из его Пятого послания государю от 14 июня 1824 г., в котором он, как и в остальных, возвещает «слово и дело Божие», вмешиваясь, однако, уже во внешнюю политику государства. Архимандрит предостерегает Александра от войны с Турцией, объявляя ее планом тайных обществ, собственно, подкрепляя взгляд самого государя на этот вопрос: «Тайные общества с той же целью силятся вмешать Россию в войну с Турцией, в которой они же возглаголют революцию...» (Автобиография Юрьевского архимандрита Фотия. Кн. 3 // Русская старина. СПб., 1896. Т. 87. С. 183–184). Речь идет о вопросе поддержки Россией восстания православных греков, которую так ждала общественность и России, и Европы. Российские власти тогда скрывали правду о жестоких действиях турецких властей по подавлению восстания, в частности, повешение турками патр. Григория V, тело которого было привезено в Россию и по приказу Александра тайно захоронено в Одессе. Официально борьба греков за независимость рассматривалась как бунт и революция против законной власти.

Менее всего как общецерковную можно охарактеризовать позицию, направленную на прекращение деятельности Библейского общества и остановку работ по русскому переводу. Принципиальным противником закрытия Общества и прекращения русского перевода Священного Писания был свят. Филарет (Дроздов). С ним были солидарны многие церковные деятели. Для реализации планов по закрытию РБО митр. Серафиму с помощью Аракчеева и Шишкова пришлось добиваться изменения состава Синода, специально вызывать для поддержки из Киева своего сторонника митр. Евгения (Болховитинова). Все исследователи XIX столетия в оценке ситуации с закрытием РБО в той или иной степени были вынуждены обращаться к психологическим портретам участников этой истории, что должно свидетельствовать о решающей роли личностного фактора в стечении ее обстоятельств. Свят. Филарет (Дроздов) вспоминал: «думаю, известно, что в 1824 г. восстание против министра духовных дел и против Библейского общества и перевода священных книг образовали люди, водимые личными видами, которые, чтобы увлечь за собою других благонамеренных, употребляли не только изысканные и преувеличенные подозрения, но и выдумки и клеветы»⁴⁸. Согласно отмечается «слабохарактерность» ведущего тогда иерарха Церкви митр. Серафима, его зависимость от Аракчеева, несамостоятельность в данной интриге⁴⁹. Нет сколь либо веских оснований менять фактически устоявшийся облик архим. Фотия, как патологической особы с весьма извращенными представлениями о христианских ценностях, на образ идейного, бескомпромиссного борца с врагами Православной Церкви⁵⁰ — слишком нарочито за его активностью проглядывают личностные амбиции и специфические интересы.

После снятия кн. А.Н. Голицына с поста президента РБО настал черед самого Библейского общества. Удаление Голицына от «механизмов», определявших и регулировавших религиозную политику государства, знаменовало серьезные изменения в ней. Государственную политику в религиозной сфере после 1824 г. стали определять совсем иные настроения, основным выразителем которых оказался «триумвират» лиц, вначале лишь исполнявших роли в «аппаратной» игре Аракчеева: митр. Серафим, наследовавший князю в его должности президента РБО; архим. Фотий, на короткое время приобретший духовное влияние на государя;

⁴⁸ Корсунский И.Н. О подвиге Филарета, митрополита Московского... С. 261.

⁴⁹ Чистович И.А. История перевода Библии... С. 65; Корсунский И.Н. О подвиге Филарета, митрополита Московского... С. 274. Н.В. Сушков, биограф митр. Филарета (Дроздова), выразился о митр. Серафиме как о «страдательном орудии, обладавших им» (Материалы для биографии Филарета, митрополита Московского. М., 1868. Приложение «О записках Юрьевского архимандрита Фотия». С. 193).

⁵⁰ Такую переоценку личности Фотия пытается, кажется, провести современный исследователь, в своем описании трудов и деяний Фотия порой (на С. 249–284) переходя едва ли не на житийный жанр. См.: Кондаков Ю.Е. Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время. СПб., 2000.

позднее присоединившийся к ним, придерживавшийся крайне консервативных взглядов президент Императорской академии наук адмирал А.С. Шишков, ставший после Голицына главою министерства Народного просвещения. Сам факт избрания митр. Серафима новым президентом РБО может свидетельствовать о повороте Александра I в сторону традиционной церковной религиозности. (Необходимо отметить, что Александр I, не смотря на неоднократные представления, вплоть до своей кончины решительно противился закрытию РБО, которое считал своим детищем; Голицын продолжал оставаться его личным другом.) Не стоит говорить об утверждении какой-то *новой идеологии*, поскольку речь, прежде всего, шла о том, как общество не должно мыслить. Главным требованием было возвращение к прежним устоям и ценностям. Пыпин весьма нелестно охарактеризовал как приверженцев утверждавшейся идеологии мистицизма, так и тех, кто их победил: «И многие друзья, и эти противники Общества были одинаковые обскуранты»⁵¹.

Если инициатором действий по удалению Голицына с ведущих государственных постов нужно признать Аракчеева, то в последующей истории закрытия РБО и прекращения русского перевода ведущая роль, бесспорно, принадлежала адмиралу Шишкову. «Флотоводец» развернул против Библейского общества и русского перевода Библии настоящую военную кампанию. Лидерство Шишкова и марионеточную роль митр. Серафима в действиях против РБО убедительно демонстрируют воспоминания адмирала: «Того же числа [3 ноября 1824 г.], в 6 часов по полудни, отправились мы [Шишков с Аракчеевым] к митрополиту [Серафиму]. Я начал говорить, что хотя никаких гласных повелений о прекращении Библейских обществ не дано, однако ж с самой перемены министерства Просвещения намерение склонилось уже к тому, чтоб нигде о них не упоминать. Каким же образом здесь в Петербурге, под его [митр. Серафима] начальством, продолжают издавать об них известия и превозносить их похвалами, тогда как в цели и распространении оных открывается явный вред? Митрополит отвечал, что как за этот год собраны уже подписки на сей журнал, то он велел продолжить его до истечения года, а с будущего января оный прекратится. На сие возразил я: где идет дело о вреде, наносимом вере и нравственности, и который и так уже сильно распространился, можно ли там попускать еще более распространяться и утверждаться оному для сбора некоторого числа денег? Сверх того, с переменою министерства все благомыслящие люди ожидали и перемены направления умов от прежней худой в хорошую сторону. <...> После сего суждение обращено было на «Краткий катихизис», Архиепископом Филаретом написанный и Синодом

⁵¹ Пыпин А.Н. Указ. соч. С. 112.

утвержденный⁵². Митрополит защищал в нем перевод молитв, и вообще все переводы Священного Писания с Славенского (как все, незнающие языка своего, журналисты говорят) на Русский язык, утверждая, что многие Славенского языка не понимают. Тут не мог я сохранить своего хладнокровия. <...> Напоследок, *по долгом прении, общее заключение было такое*, что Библейские общества должно прекратить, перевод Священных Писаний *на простое наречие* не выпускать и «Краткий катихизис» *оставить»*⁵³. Это свидетельство наглядно показывает, как и кем решалась судьба Библейского общества. Похоже, что неожиданное для себя назначение на пост министра Шишков воспринял как призыв стать спасителем Отечества от заговора революционеров, неизменной частью которого для него была деятельность РБО, рассматриваемая им не иначе как подрывающая основы православной веры и, соответственно, устой государственного строя. Несгибаемое упорство старого воина (в 1824 г. адмиралу было 70 лет) оказалось решающим в этом деле. Шишков развернул столь бурную деятельность, что и гр. Аракчееву пришлось теперь действовать согласно с его воззрениями.

С русским переводом Библии произошла ровно такая же метаморфоза, как и с Библейским обществом⁵⁴. Издания первых переводов РБО были встречены практически с всеобщим энтузиазмом, успех был безоговорочный. Известны самые благожелательные отклики многих

⁵² Речь идет о сокращенном варианте «Пространного катихизиса», «Кратком катихизисе». За составление «Пространного катихизиса» свят. Филарет (Дроздов) в 1823 г. получил орден св. Александра Невского. Цитаты из Свящ. Писания и тексты молитв в обоих Катихизисах были даны в русском переводе.

⁵³ Записки адмирала А.С. Шихова // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских М., 1868. Кн. 3. С. 49–50.

⁵⁴ Уже первая полуофициальная попытка обсуждения вопроса о русском переводе на самом высоком государственном и церковном уровнях, предпринятая еще в 1803 г. обер-прокурором А.А. Яковлевым, наглядно продемонстрировала его конъюнктурность. Вот как эта попытка представлена в одном историческом экскурсе: «Яковлев представлял и о напечатании Свящ. Писания на русском, понятном для всех языке. Ему принадлежит первая мысль о том, отвергнутая единственно вследствие недоброжелательства к нему синодальных членов и осуществившаяся через несколько лет после него. Приводим об этом дословный рассказ Яковлева из его «Записок»: «Сия мысль (о новом издании «Духовного регламента» на русском языке) подала мне другую, еще важнейшую — напечатать по-русски всю Библию также гражданскими буквами. Советовался я о том с некоторыми первейшими особами, которые не только намерение мое апробировали, но и просили убедительно скорее привести в исполнение. Докладывал я о том и государю, и он изволил отозваться, что если Синод не найдет со своей стороны в том противного, то и он не изволит воспрепятствовать. Но когда я стал о том сноситься с митрополитом [Амвросием (Подобедовым)], то он ни под каким видом на сие не согласился, не найдя однакоже другого опровержения против моих доводов, единственно клонящихся к пользе и просвещению народному, как только что самое то мистическое состояние Библии (то есть непонятность ее языка), против которого я предпринимал, есть необходимейшее для народа, который, говорил он, под видом Откровения, непременно нужно содержать в ослеплении, чем он явно отвращал святую истину сего Богом вдохновенного Свящ. Писания. Таким образом, сие мое полезное намерение оставалось втуне, но время оправдало мою мысль, только честь пала не на Россию, а на Англию». <...> [Впоследствии] тот же самый Амвросий стал горячо действовать в пользу перевода Свящ. Писания на русский язык». (П.М. Из прошлого // Русский вестник. М., 1868. Т. 74. С. 474–475.) Неудача Яковлева убедительно показывает, насколько определяющей в решении вопроса русского перевода стала воля правящего монарха.

правлящих архиереев Православной Церкви на его появление. Их подборка повторяется в основных исследованиях⁵⁵. Так, еп. Псковский Евгений (Болховитинов) писал в связи с изданием Четвероевангелия: «Польза от сего издания — не только простолюдинам, но и самому духовенству, наставляющему их, очевидна и несомнительна. Давнее уже и нетерпеливое всех ожидание онаго ручается в успехе еще большего распространения Слова Божия в сердцах верующих»⁵⁶. Очень проникновенно глубинную суть как самого Священного Писания, так и его нового перевода передает высказывание архиеп. Минского Анатолия (Максимовича): «Сколь не сближен славянский язык с российским в церковных книгах наших, но многое для многих оставалось непонятным даже и в Евангелии по непривычке к славянским изречениям: и от того святая истина не могла действовать на сердца читателей в полной своей силе. Ныне и сие препятствие разрушено. *Да кажется язык живой и приличнее Слову Жизни. Слыша сие слово на языке нашем, тем паче можем убедиться, что Бог говорит к нам.* Да будет сей новый плод трудов Библейского общества знаменем новой благодати и силы Божией во спасение Росссов»⁵⁷. Начало переводческой работы не доносит ни одного отзыва со стороны духовенства, содержавшего неприятие перевода как такового.

При внимательном рассмотрении не выдерживает критики ставшее расхожим мнение о изначальном несогласии Св. Синода с делом русского перевода, основанное на несколько странном высказывании Чистовича. Он пишет: «Таким образом [речь идет о поручении Синода организовать дело перевода Комиссии духовных училищ] *Святейший Синод отклонил от себя одобрение русского перевода к печатанию и изданию его.* Последующие подписи духовных особ под предисловиями были подписями только тех епископов, которые были членами (вице-президентами) комитета Российского Библейского общества»⁵⁸. Обе фразы, как характеризующие ситуацию с переводом приводятся Корсунским, правда, в примечании⁵⁹. Несколько искаженная цитация Чистовича позволяет М.И. Рижскому прямо утверждать скрытую оппозицию Св. Синода воле государя, завуалированный отказ высшей церковной власти от непосредственного участия в деле русского перевода⁶⁰. Однако, кроме туманности

⁵⁵ Пытин А.Н. Указ. соч. С. 185–186; Чистович И. История перевода Библии... С. 30–31; Корсунский И. О подвигах Филарета, митрополита Московского... С. 243–245.

⁵⁶ Чистович И.А. История перевода Библии... С. 30.

⁵⁷ Там же. С. 31.

⁵⁸ Там же. С. 26; см. так же С. 28.

⁵⁹ См., например: Корсунский И.Н. О подвигах Филарета, митрополита Московского... С. 232.

⁶⁰ «Синод, указывает И.А. Чистович, «отклонил от себя даже одобрение русского перевода к печатанию и изданию, предложив все обязанности, связанные с новым изданием, возложить на Комиссию духовных училищ и Библейское общество и таким образом, по существу, снял с себя всякую ответственность». Рижский М.И. История переводов Библии в России. Новосибирск, 1978. С. 131–132.

самого высказывания — получается согласие на перевод, но неодобрение его издания (?), подобная трактовка принятого Синодом решения вызывает, по меньшей мере, недоумение. Во-первых, решение Св. Синода полностью отвечало предложениям доклада Голицына, оставившим РБО и издание, и распространение перевода. Другого и быть не могло, поскольку все программы по изданию Библий в России, включая славянскую, к этому времени осуществляло Общество. Поручение Комиссии духовных училищ выполнить перевод являлось конкретным организационным решением и означало фактическое участие в нем Церкви, поскольку подразумевало, что переводческая работа будет исполнена церковными учебными заведениями. (Если не предполагать, что Синод дистанцировался и от православных духовных школ.) Во-вторых, не выдерживает критики и категорическое отнесение Чистовичем подписей духовных лиц, стоявших под предисловиями к изданиям переводов, только к их статусу членов РБО. Все подписи — это подписи действительных членов Св. Синода, во главе с первенствующими митр. Михаилом и митр. Серафимом, при этом смена имен подписавшихся последовательно отражает изменение состава Синода в соответствующие годы⁶¹. Поэтому если уж и проводить различие статусов в подписях данных духовных персон (?), их нужно рассматривать *прежде всего* в качестве подписей синодальных членов и, соответственно, как отражение участия Св. Синода в деле перевода. Собственно, в посвящениях, предварявших все издания русского перевода новозаветных текстов, прямо значилось: «*по Благословению Святейшего Правительствующего Всероссийского Синода*». Благословение Св. Синода стояло также в «Возглашении к христолобивым читателям». Таким образом, выводы о несогласии Св. Синода с переводом, основанные на подобной аргументации, выглядят более чем произвольными. Наоборот, свидетельство официальных документов позволяет уверенно утверждать, что русский перевод Библии был предпринят с полного одобрения и санкции высших церковных властей. Попытки с иных позиций трактовать волеизъявление Синода будут в данном случае оставаться на уровне досужих домыслов. Чистович и сам далее озвучивает мнение митр. Филарета (Дроздова) о изначальной церковности осуществляемого под эгидой РБО перевода: «В опровержение мнения, будто мысль о переводе Священного Писания на русское наречие принята первоначально не в Святейшем Синоде, а в канцелярии обер-прокурора, высокопреосвященный говорит, что русский перевод Нового Завета *БЫЛ*

⁶¹ Из высшего духовенства, входившего тогда в Синод, нет подписей только митр. Варлаама, бывшего экзарха Грузии, кстати, вице-президента РБО, плохо понимавшего по-русски, членство которого как в Синоде, так и в РБО было лишь номинальным, а также периодически вызываемого в Синод «присутствующего» члена.

Адмирал А.С. Шишков

одобрен первенствующими членами Святейшего Синода: Амвросием, Михаилом и Серафимом, и издаваем был по благословию Святейшего Синода»⁶².

Кажется, единственным сомнением в целесообразности русского перевода, дошедшим от начального этапа его осуществления, остается частное впечатление графа М.М. Сперанского от прочтения перевода, высказанное им в письме к дочери. Сперанский пишет: «...сегодня, во время обыкновенного моего утреннего чтения, вместо греческого моего Завета, мне вздумалось читать Евангелие в новом русском переводе. Какая разность, какая слабость в сравнении с славенским! Может быть, и тут действует привычка, но мне кажется все не так, и не на своем месте, и хотя внутренне я убе-

ден, что это все одно и то же; но нет ни той силы, ни того утешения. Вообще я никогда не смел бы одобрить сего уновления; знаю, что оно сделано с наилучшими намерениями; может быть, для тех, кои не привыкли к славенскому языку, это услуга. Но для чего бы, кажется, не оставить их привыкнуть? Это стоит труда. Никогда русский простонародный язык не сравнится с славенским ни точностию, ни выразительностию форм, совершенно греческих. <...> Читай, продолжай читать Евангелие и весь вообще Новый Завет на славенском, а не на русском языке. <...> Язык славенский в последнее время много потерпел от того, что вздумал защищать его человек добрый, но писатель весьма посредственный [Шишков]. Для чего Карамзин, Уваров, Жуковский не принялись за сие дело?..»⁶³. Возражение Сперанского можно охарактеризовать как «психо-эстетическое» неприятие нового в привычном тексте. Для тех, кто был воспитан на славянской Библии и у кого она была «настойной книгой» (надо заметить, что определить этот круг и, что

⁶² Чистович И.А. История перевода Библии... С. 289.

⁶³ Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне. М., 1869. Письмо 16 от 30 сент. 1819 г. С. 42–44.

важно, его социальный состав весьма непросто, но скорее всего это во всех отношениях был «узкий круг»), русский перевод ощущался как утрата привычного славянского текста — ситуация вполне типичная, которую можно рассматривать целиком в контексте психологии восприятия. (Сегодня, с появлением новых русских переводов, она повторяется при их вольном или невольном сравнении с Синодальным.) Впрочем, упоминание в письме имен выдающихся мастеров русской словесности, придерживавшихся в вопросе о природе русского языка существенно иных, нежели Шишков, взглядов, позволяет предположить, что Сперанский здесь, примираясь с самим фактом русского перевода, ставит требование к качеству русского языка библейского перевода. Он остро ощущает нужду перевода в руке искусного литератора. (В 1916 г. в связи со столетним юбилеем русского перевода известный отечественный славист и библеист проф. И.Е. Евсеев, отмечая необходимость осуществления нового русского перевода всего лишь через 40 лет после опубликования Синодального и высказывая требования к его качеству, отмечал: «Для надлежащего достоинства русского национального перевода Библии нужны творцы, художники слова, а не только усердные служители»⁶⁴.)

«Камнем преткновения и камнем соблазна» русский перевод Священного Писания стал после событий 1824 г. Безусловно, роковую роль для него сыграла связь с РБО. С началом «новых» настроений не замедлила последовать не менее единодушная обратная реакция и в отношении к переводу. Диаметрально поменяли свой взгляд на перевод многие церковные иерархи. Как разительную можно констатировать смену позиции митр. Серафимом, чья подпись стоит под предисловиями ко всем изданиям русского перевода. Его ближайшим соратником по выполнению планов закрытия РБО и прекращения русского перевода стал Киевский митр. Евгений (Болховитинов), благожелательный отзыв от 1819 г. о переводе которого приведен выше. Противники перевода стали связывать с ним целый ряд негативных явлений религиозной и общественной жизни. В вину русскому переводу вменяли появление некоторых новых сект. Военное ведомство утверждало, что среди солдат участились случаи самооскопления. Впоследствии широкий резонанс имел случай помешательства двух кадетов в одном военном училище, который военное ведомство представило как результат чтения Нового Завета в русском переводе. (Проведенное расследование, однако, определенно установило, что к Новому Завету кадеты даже не прикасались, а причины их умственного заболевания следует искать в бытовой сфере⁶⁵.) В 1824—

⁶⁴ Евсеев И.Е. Столетняя годовщина русского перевода Библии. Пг., 1916. С. 42.

⁶⁵ Корсунский И.Н. Филарет, митрополит Московский, в его отношениях и деятельности по вопросу о переводе Библии на русский язык. М., 1886. С. 75.

1825 гг. аргументация против русского перевода в значительной степени совпадала с аргументацией против самого Общества. Деятельность РБО по русскому переводу и изданию Священного Писания стала прямо представляться важнейшей частью протестантского заговора против Православной Церкви⁶⁶. Шишков аргументировал этот тезис тем, что таким образом, «уничтожался тот язык, на котором в церквях производится служба и читается Евангелие»⁶⁷. Ректор СПбДА еп. Григорий (Постников) в письме к свят. Филарету (Дроздову) от 13 июня 1824 г. писал: «О Библейском обществе говорят, что оно учреждено для того, чтобы ввести реформацию. Что вы ни скажете в опровержение, вам представят в доказательство список с какого-нибудь английского или немецкого или французского листка какого-нибудь писателя, который говорит, что самый надежный способ распространить реформацию есть раздача Библии...»⁶⁸. Шишков настойчиво выступал против «монополизации» изданий Библии Обществом, требуя вернуть ее Синоду⁶⁹. И хотя и в решительных заявлениях Шишкова, и во вторящем ему «торжествующем» восклицании митр. Серафима (в связи с отставкой кн. Голицына) о том, что «Библию станем печатать опять только в Синоде»⁷⁰, очевидно звучит ревность об ущемленных правах правящего органа Православной Церкви, вряд ли их нужно связывать с действительной заботой о библейском деле⁷¹. В свое время взятие Библейским обществом на себя изданий славянской Библии не только не вызвало возражений со стороны Св. Синода, но скорее было воспринято как освобождение от обременительной обязанности. Это требование можно понимать как направленное, прежде всего, против русского перевода, прекратить печатание которого Шишков намеревался путем ведомственной смены издательства.

Главным «локомотивом» и идеологом «антирусской» кампании, безусловно, был адмирал А.С. Шишков. Именно Шишков в 1824–1825 гг. определил идейную позицию неприятия русского перевода как такового. Она прозвучала в связи с его теоретизированием по поводу славянского языка и языкознания. Еще до появления в Санкт-Петербурге эмиссаров Британского Библейского общества, тем более каких-либо разговоров о русском переводе Библии, в 1810 г., на годичном собрании Российской академии наук Шишков выступил с торжественной речью, основными тезисами которой были представления о едином

⁶⁶ Пытин А.Н. Указ. соч. С. 260; 279; Чистович И. История перевода Библии... С. 54.

⁶⁷ Записки адмирала А.С. Шишкова. С. 23.

⁶⁸ Письма духовных и светских лиц к митрополиту Московскому Филарету (с 1812 по 1867 г.). СПб., 1900. С. 38–39.

⁶⁹ Записки адмирала А.С. Шишкова. С. 15, 78.

⁷⁰ Чистович И.А. История перевода Библии... С. 52.

⁷¹ Так, после закрытия РБО первое издание слав. Библии было осуществлено только в 1839 г. (!), последнее — в 1855 г.

славяно-русском языке и его уникальности в качестве языка Священного Писания. Второе издание этой речи в 1825 г., как раз в самый разгар противостояния с Обществом и борьбы с русским переводом, нужно рассматривать программным заявлением нового министра Народного просвещения в отношении перевода Библии. Более рельефно теоретические и идеологические взгляды по этим вопросам представлены в его Записках этого периода. Прежде всего, Шишков не признавал существование русского языка как самостоятельного и отдельного от славянского: «Язык у нас Славенский и Русский один и тот же. Он различается только (больше, нежели всякий другой язык) на высокий и простой. Высоким написаны Священные книги, простым мы говорим между собой и пишем светские сочинения, комедии, романы и проч. Но сие различие так велико, что слова имеющие одно и то же значение, приличны в одном и неприличны в другом случае»⁷². В развитие этой языковой дилеммы славянский и русский разделялись им как «высокий язык, сделавшийся для нас священным» и «простонародный», «язык Церкви» и «язык театра»⁷³, «язык веры» и «язык страстей»⁷⁴. Действительно, для Руси славянский как литературный язык изначально сформировался именно на Священном Писании. Эта данность послужила для Шишкова основанием постулировать существование неразрывной, органической связи между славянским языком и Библией. Более того, славянский язык по своим выразительным свойствам, согласно Шишкову, идеально приспособлен для передачи богооткровенных истин Библии, причем, столь совершенными возможностями не обладает ни один современный европейский язык: «Мы показали отчасти богатство мыслей, заключающихся в словах наших; видели превосходство их перед словами других языков. Из сего краткого показания можем посудить, какая разность в высоте и силе языка долженствует существовать между Священным Писанием на Славенском и других языках: в тех сохранена одна мысль; в нашем мысль сия одета великолепием и важностию слов»⁷⁵. Славянская Библия уникальна не только среди других переводов Священного Писания, но предпочтительнее даже его оригинальных текстов, поскольку «еврейский сегодня никто не знает»⁷⁶.

Подобные представления о исключительности славянского языка, утверждение его сакрального характера делали для Шишкова перевод

---

⁷² Записки адмирала А.С. Шишкова. С. 58.

⁷³ Там же. С. 23; 60.

⁷⁴ Шишков А.С. Рассуждение о красноречии Священного Писания, и о том, в чем состоит богатство, обилие, красота и сила Российского языка и какими средствами оный еще более распространить, обогатить и усовершенствовать можно. СПб., 1825. С. 83.

⁷⁵ Там же. С. 18–19.

⁷⁶ Записки адмирала А.С. Шишкова. С. 59.

Библии на русский язык недопустимой профанацией Священного Писания, от которой оставался один шаг и до покушения на незыблемые устои государственного и общественного строя: «В прежних письмах моих имел я честь объяснить Вашему Сиятельству [Шишков обращается к Аракчееву] о продолжающихся и ныне покушениях и стараниях продолжать собрания Библейских обществ и распространять не переводы, а, так сказать, перекладку Священных Писаний с высокого и важного языка на простонародное наречие: два сильнейшие орудия революционных замыслов»; «Переводы Священного Писания с высокого языка (называемого Славенским) на простой, в общезнании употребляемый язык (называемый Русским), под предлогом лучшего разумения церковных книг придуманы для уменьшения их важности и поколебания Веры»; «Трудно доказать надобность, но не трудно сыскать причину сих переводов, очевидно состоящую в том, чтобы, согласно с намерениями Библейских обществ, исказить и *привести в неуважение Священные книги*, изменяя в них язык Церкви в язык театра»⁷⁷. Перевод Священного Писания непременно, согласно Шишкову, должен привести и к переходу церковного богослужения на русский язык, о чем нельзя и «подумать без ужаса»: «Подобная мысль [славянский язык перестал быть понятным] поведет нас к заключениям, что и всю церковную службу должно переложить на простонародный язык»⁷⁸.

Такая позиция решительно отрицала саму возможность перевода как такового и, в конечном итоге, вела к той же тупиковой ситуации, в которой в свое время оказалась Католическая Церковь в связи с запретами использовать какой либо другой библейский текст помимо латинской Вульгаты и читать Священное Писание мирянам. В пафосе своего неприятия русского перевода и в борьбе за чистоту веры Шишков, по существу, договаривался и до прямого запрета на чтение Слова Божьего: «Чтение Священных книг состоит в том, чтобы истребить Правоверие, возмутить отечество и произвести в нем междоусобия и бунты <...> Переводы Священных Писаний на простое наречие и распространение их в неимоверном количестве экземпляров есть также одно из средств, придуманное в Библейских обществах к поколебанию Веры»; «В напечатании столько Библей, чтобы каждый в Государстве человек мог ее иметь (так сказано в Отчетах). Что ж из этого последует? Употребится страшный капитал на то, чтоб Евангелие, выносимое с такой торжественностью, потеряло важность свою, было измарано, изодрано, валялось под лавками, служило оберткою каких-нибудь домашних вещей и не действовало более ни над умами, ни над сердцами

⁷⁷ Там же. С. 47; 56–57; 59–60.

⁷⁸ Там же. С. 58.

человеческими»⁷⁹. Так отвергался основной тезис Библейских обществ о том, что Слово Божие для каждого верующего должно быть доступно на понятном, родном языке.

В своем же логическом развитии взгляды Шишкова неумолимо вели к утверждению приоритета языка над смыслом текста. В ситуации славянской Библии, когда язык утратил свою коммуникативную функцию, это фактически должно было означать предпочтение славянского языка Слову Божьему. По существу, язык становился священнее Священного Писания, что сводило, например, предназначение литургического чтения разве к некому сакральному звучанию. (Казалось бы, нет никакой необходимости доводить тезисы Шишкова до подобных выводов, абсурдность которых очевидна, однако, что поразительно, и такому, по определению, «бессмысленному» восприятию могла усваиваться своя значимость, порой вполне серьезно фигурирующая в качестве аргумента против русского перевода)⁸⁰.

Роль Шишкова в истории русского перевода не ограничилась теоретическими возражениями. Его настойчивостью перевод был свернут организационно. По всей видимости, не без его инициативы произошло и позорное сожжение тиража первого тома русской Библии. За это говорит весь характер его участия в истории с переводом. И хотя о подробностях данного прискорбного события не сохранилось прямых документальных свидетельств, имя Шишкова вполне отчетливо слышится за словами свят. Филарета по этому поводу: «...дело произведено не по зрелому рассмотрению духовного начальства, а по случайному возбуждению кого-нибудь из тех, на которых владыка Киевский указывал в 1825 году [Филарет (Амфитеатров), тогда еще епископ Калужский], как на людей, не призванных ни Богом, ни начальством»⁸¹.

К языковедческим изысканиям президента Академии наук уже современники относились как к достойным насмешки дилетантским увлечениям. Энергичные действия Шишкова по закрытию РБО и пресечению русского перевода снискали ему в общественных кругах, в том числе и церковных, разве что славу «самодура»⁸². Однако, когда с назначением

⁷⁹ Там же. С. 65; 72.

⁸⁰ Если слова митр. Амвросия (Подобедова) о «необходимости, чтобы народ пребывал в мистическом состоянии, достигаемом непонятностью языка Библии» (см. примечание 54), еще можно рассматривать как отговорку, относя их на счет неприятия высшими церковными иерархами личности обер-прокурора Яковлева, то позднейшие схожие суждения вполне определенно высказывались непосредственно против осуществляемого русского перевода. В ряде анонимных статей, направленных в конце 50-х гг. против возобновления перевода, появлялись утверждения, что «чтение Свящ. Писания для спасения не столько требует разумения буквы, сколько приятия духа жизни»; что «простолудины на славянском языке слышат только святое и назидательное. Умеренная темнота сего слова не омрачает истину, а служит ей как бы стихией. Отнимите это покрывало, тогда всякий будет толковать об истинах Писания по своим понятиям» (Цит. по: Чистович И.А. История перевода Библии... С. 300, 303).

⁸¹ Чистович И.А. История перевода Библии... С. 118.

⁸² Корсунский И.Н. Филарет, митрополит Московский... С. 56.

на пост министра Народного просвещения у адмирала появились возможности к широкому утверждению своих теорий в общественном сознании, главному идеологу «партии сторонников обратного хода» (выражение свят. Московского Филарета) удалось добиться того, что его взгляды на славяно-русскую Библию и русский перевод вышли на уровень государственной религиозной политики. Так, сложившееся сочетание частных амбиций, страха, консерватизма и некоторых «научных» воззрений сформировали официальное неприятие русского перевода Священного Писания в Российском государстве в последние годы царствования Александра I и на всем протяжении правления Николая I. Сольский отмечал: «...перевод библейских книг на русский язык прекращен вследствие столкновения случайных обстоятельств, но не потому, чтобы он не был согласен с духом Православной Церкви или не был делом народным»⁸³.

История с первым русским переводом Библии в высшей степени показательна как характеризующая положение Церкви в Российской империи в XIX в. Она наглядно демонстрирует стагнацию воли, отсутствие собственной позиции у высшего управляющего органа Церкви, Св. Синода, в таком важнейшем для религиозного учительства вопросе как перевод Священного Писания на доступный для паствы язык. Действительно, начинание перевода принадлежит решению государя, ему безропотно следует Св. Синод. Но как только из-за глубокого душевного кризиса Александра I в официальной позиции светской власти в отношении перевода наступает изменение под напором известных лиц, этому повороту на 180 градусов следует и церковная власть в лице ее номинального предстоятеля. Все эти метания легко объясняемы с позиций политики и психологии, однако, за подобной конъюнктурой теряется важнейшее предназначение Церкви быть свидетельницей и носительницей Слова Божьего. Кризис в деле русского перевода был преодолен только в 1856 г., когда благодаря настойчивости свт. Филарета (Дроздова) и круга его единомышленников в самом начале царствования Александра было вынесено официальное синодальное решение о возобновлении русского перевода Библии. Начинание первой половины XIX века нашло свое логическое завершение в Синодальном переводе. Первое полное издание русской Библии вышло в 1876 г., ровно через 60 лет после Указа Александра I. Этот практический результат и нужно признать собственным голосом Церкви в этом непростом, охватившем практически все XIX столетие деле.

*Б.А. Тихомиров,
кандидат богословия,
доцент СПбДА*

⁸³ Сольский С.М. Об участии императора Александра Первого в издании Библии на русском языке. Киев, 1878. С. 24.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, осуществляющее подготовку священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословия, регентов церковных хоров и иконописцев.

На сайте академии

www.spbda.ru

- сведения о структуре и подразделениях академии;
- информация об учебном процессе и научной работе;
- события из жизни академии;
- сведения для абитуриентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии. Материалы распространяются на компакт-дисках и размещаются на сайте журнала в формате pdf.

На сайте журнала «Христианское чтение»

www.spbpda.ru

- электронный архив номеров в свободном доступе;
- каталоги журнала по годам издания и по авторам;
- требования к рукописям, подаваемым в журнал.